

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

**Кто первым
бросит
камень**

ЭКСМО

МОСКВА

2 0 1 4

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова М. С.

С 32 Кто первым бросит камень : роман / Марина Серова. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-71644-9

Профессиональному телохранителю Евгению Охотниковой на этот раз досталось несложное задание — сопровождать во время первого визита «на землю предков» потомка русских эмигрантов в четвертом поколении американца Ивана Хрусталеффа. На приеме в честь дня рождения Елизаветы Киприановой в загородном особняке ее свекра, известного в прошлом гроссмейстера, они стали свидетелями смерти хозяина при очень странных обстоятельствах. По пути домой Елизавета с сыном Артемом, страдающим аутизмом, попали в аварию. Мальчик не пострадал, а раненая мать попросила Евгению доставить сына к его отцу, проживающему в Израиле. По дороге мальчика похитили и затем странные посылки стали присылать... Евгению. Теперь ей на пару с подполковником израильских ВВС Йосефом придется побегать в поисках «несчастливого ребенка». А ведь кто-то еще должен раскрыть тайну гибели известного шахматиста...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71644-9

Старик проснулся, когда на часах была полночь. Старинные часы, стоявшие в углу комфортабельной спальни, пробили двенадцать раз, и с последним ударом старик понял, что окончательно проснулся и больше не заснет. В последние годы его часто посещала бессонница, и он даже приучился ценить эти ночные часы. В конце концов, подремать можно и днем, а вот драгоценную тишину, когда все в доме спят, не заменить ничем. Тишина глубокая и полная. Не играет вдалеке радио, не стучат по лестнице шаги, не стрекочет под окном газонокосилка садовника, затих отвратительный шум машин. Даже вертолеты, что днем нарушают его покой, пролетая над домом, замолкли до утра.

Старик выбрался из кровати, накинул халат, сунул ноги в шлепанцы, отделанные лисьим мехом. Подошел к окну и остановился, глядя в темноту сада. Распахнул створки

окна. Теплая летняя ночь была прекрасна. Старик помнил столько прекрасных летних ночей, что голова начинала кружиться, когда задумаешься над этим, — точно смотришь на звездное небо или в глубокий черный колодец. Время, время... С ним не договоришься, не станешь спорить. В молодости он не замечал, как оно течет. В последнее время каждая секунда представляется старику песчинкой в песочных часах — вроде тех, что стоят у него на столе.

Он прожил долгую жизнь, полную событий. Он познал славу и успех, известность его была заслуженной, и весь мир повторял его имя. Он был богат, и богатство досталось ему честно. Он любил, и его любили. Он стал отцом, и сын вполне успешен, любой бы гордился таким наследником...

И все-таки жизнь — это поражение. Так думал старик, стоя у окна своего особняка.

За его спиной сама собой вспыхнула свеча. Дрожащее пламя осветило шахматную доску с расставленными фигурами, замершими посреди партии. Вот уже два дня старик никак не мог закончить этюд — все время мешали мысли, отвлекали, раздражали, растреивали...

Но от *этой* партии ему, похоже, не отвертеться. *Эту игру* ему придется закончить.

— Сыграем? — раздался глубокий голос, не слышный никому, кроме старика.

Старик молча кивнул и опустился в кресло. Протянул руку к коню, замершему на белой клетке. Рука слегка дрожала. Старик презирал себя за это. Он выпрямился в кресле и сделал ход.

И тут же пожалел об этом. Ход был поспешный, необдуманый. С таким противником спешить не стоит... но теперь уже поздно, ничего не поправить. Старик поднял глаза.

Его противник и гость — высокая фигура сплошь из лишенных плоти костей, в одной из которых виднелась призрачная коса с блестящим лезвием, — сделал ответный ход.

— Шах и мат, — довольно проговорил противник. Как и всякий другой, он любил выигрывать.

— Что же, — сказал старик. — Значит, пора.

Он сам загасил свечу. В кромешной темноте свистнула коса.

— Игра окончена, — произнес чей-то голос.

Старик вскрикнул и проснулся. Он долго лежал с бешено колотящимся сердцем, слушая звуки просыпающегося дома. Окно было открыто, и холодный ветер из сада листал бумаги на столе. Старик тяжело поднялся с кровати, похромал к столу. По утрам колени слушались неохотно, и требовалось какое-то время, чтобы их «расходить». Фигуры на до-

ске замерли в той же позиции, что и вечером. Никакого шаха и тем более мата не было.

Старик откинул крышку черепа, стоящего на столе, и достал из бархатного углубления мобильный телефон. Набрал привычный номер. Старик собрал все силы и приготовился к разговору, словно собирался прыгать с вышки в холодную воду.

— Это ты? Здравствуй. Я давно собираюсь тебе кое-что сказать. Сегодня я видел сон. Я играл в шахматы со смертью. И проиграл. Ты понимаешь, что это значит?

ГЛАВА 1

Я стояла на берегу озера с бокалом шампанского в руке. Летний ветерок ласково оведал мои плечи. Издалека доносилась классическая музыка в исполнении камерного оркестра — нанятые специально по случаю приема музыканты только что закончили настраивать свои инструменты и наконец-то заиграли в полную силу. Музыка неслась над озером, и в его стеклянню-черной глади отражались элегантные силуэты гостей в вечерних туалетах и огоньки развешанной на деревьях иллюминации. Цветущий жасмин наполнял воздух навязчивым ароматом и делал происходящее совсем уж приторно-сладким, доводя картину идеального приема до абсурда.

Я поправила сползающую с плеча сумочку и подавила нестерпимое желание почесаться. Вечернее платье было взято напрокат. Оно болталось на бедрах, зато немилосердно жало в груди. Вдобавок ярко-синяя ткань, так хо-

рошо подходящая к моим темным волосам, совершенно не пропускала воздух. Так что выглядела я как на редкость привлекательная стройная брюнетка ростом метр восемьдесят — хоть сейчас на подиум, — а вот чувствовала себя совершенно как сосиска в целлофане.

Снова поправила сумочку — крохотный аксессуар весил как хороший рюкзак. Судите сами — там помещались баллончик с нервно-паралитическим газом, замаскированный под щетку для волос, тюбик помады, необходимый для имитации пожара, тонкие, но необычайно прочные наручники, крохотный, зато мощный электрошокер под видом упаковки гигиенических тампонов, пудреница-передатчик и пятьдесят метров мономолекулярной нити под видом нитей для чистки зубов. Еще там находилась тушь для ресниц, способная на единственный выстрел, но я же не собираюсь устраивать здесь пальбу в духе Джона Диллинджера, верно? Так что весила моя сумочка прилично и уже успела порядком натереть мое голое плечо.

подавив желание почесаться, я очаровательно улыбнулась своему спутнику. Звали его Иван Хрусталефф — именно так, через два «ф». Он был потомком русских эмигрантов — после Октябрьского переворота его прадед — офицер белой армии — вместе с молодой женой успел на тот самый «последний пароход в Константинополь». Иван был

американцем в четвертом поколении и порусски не знал ни единого слова. Кроме того, двадцативосьмилетний калифорниец ждал от страны предков самого худшего. Честно говоря, я так и не смогла понять, зачем Ивана понесло в Россию, если он на полном серьезе спрашивал меня, бронезилет какой модели ему лучше приобрести, чтобы спокойно передвигаться по городу. Причем речь шла не о каких-то «горячих точках», а о нашем мирном провинциальном Тарасове.

Иван был уверен, что коррупция, организованная преступность и тому подобные явления будут поджидать его прямо у трапа самолета. Именно потому он и нанял меня — телохранителя высокого класса. Но столкнулся Ваня с нашими традиционно российскими проблемами — дураками, дорогами и чрезмерным гостеприимством.

Вот, например, прием, где мы сейчас находимся. Хозяйка дома — Елизавета Киприанова, красивая дама тридцати пяти лет — немедленно пригласила Ивана к себе, как только узнала, что у него нет в Тарасове знакомых. Видите ли, бедному американцу будет слишком одиноко проводить уикенд без хорошей компании! Несчастный иностранец отбивался как лев — он утверждал, что стесняется находиться в обществе незнакомых людей, говорил, что не хочет затруднять хозяйку... Но все было напрасно. Елизавета Киприанова названивала американцу до тех

пор, пока не выжала из него дрожащее «да». Результатом этого и было взятое напрокат платье, абсолютно не пропускающее кислород.

А теперь поставьте себя на мое место. Я — телохранитель. Должна обеспечивать безопасность клиента. Это было совсем нетрудно в лучшей гостинице нашего города, под кондиционером, поскольку Иван все свое время проводил за компьютером. Не знаю, зачем для этого лететь в Россию — пялиться в монитор можно было и не покидая родины.

А вот теперь мы находимся в добрых тридцати километрах от города, где-то в сельской местности. Пейзажи здесь красивые, не спорю, но я не люблю работать в незнакомых местах. А таким местом является не только участок, но и дом — в нем три этажа и штук пятьдесят комнат! Хотя живет здесь только Елизавета вдвоем с сыном.

Незнакомая местность, где, случись что, не найти путей отхода, — это не самая большая из моих проблем. Проблема номер один — это толпа абсолютно незнакомых людей. Причем каждый жаждет пообщаться с моим клиентом. От такого у любого телохранителя съедет крыша! Как я могу обеспечить безопасность объекта, если со всех сторон к нему тянутся дружеские руки и какие-то люди на превосходном английском восклицают: «О, расскажите нам историю вашей семьи! Это так романтично!»

Ванечка напрочь забыл о своих предубеждениях — ему больше не мерещатся под каждым кустом нанятые мафией киллеры, нет! Теперь он уверен, что русские — самый дружелюбный на свете народ, и уже, кажется, договаривается с новым знакомым в следующую пятницу ехать на рыбалку — ведь в Ивантеевке такие, нет, во-о-т такие караси!

Проблема номер два заключалась в том, что рассеянный Хрусталефф представил меня гостям как свою переводчицу. Видите ли, узнав, что заграничного гостя сопровождает на приеме охрана, хозяйка могла и обидеться! Но все присутствующие были однокурсниками хозяйки дома Елизаветы Киприановой, которая окончила романо-германское отделение филологического факультета нашего Тарасовского университета. Само собой, все они говорили на английском лишь немногим хуже, чем на русском, и фигура переводчицы в этих обстоятельствах выглядела несколько комичной.

Вообще-то в нормальных условиях это неплохое прикрытие для телохранителя. Иностранец, ни слова не понимающий по-русски, естественно, нуждается в непрерывном присутствии переводчика. Но не на приеме же, где каждый владеет английским! Так что я старалась держаться поближе к охраняемому объекту и все время ловила на себе странные взгляды. Кажется, Ванина маскировка не сработала — конечно, никто не распознал во мне

телохранителя, зато меня явно принимали за дорогую даму эскорта...

Прием, честно говоря, был организован великолепно — звучала музыка, сновали вышколенные официанты, украшенный золотыми фонариками сад дышал вечерней прохладой. Я получила бы от происходящего массу положительных впечатлений... не будь я на работе. А так я даже не могла позволить себе восхитительное шампанское — мой любимый брют дразнил обоняние, когда я делала вид, что пью из своего фужера.

Я стояла за плечом Ивана, который был ниже меня ровно на целую голову, и в режиме быстрого сканирования осматривала всех, кто приближался к иностранцу ближе чем на метр. Конечно, я не верила всерьез, что на этом приеме моему подопечному угрожает хоть какая-то опасность — иначе я и близко не подпустила бы его к этому дому. Просто я выполняла привычную работу, что называется, на автопилоте.

Я работаю телохранителем не первый год. Честно говоря, когда я несколько лет назад впервые оказалась в провинциальном Тарасове, то действительно зарабатывала на жизнь уроками английского. Но одна история заставила меня вспомнить о других предметах, которые я изучала в своем элитном учебном заведении.

Дело в том, что я окончила Ворошиловку — институт, носивший имя маршала, был

создан еще в советские времена специально для дочерей высшего командного состава и партийной элиты. Девочки получали профессию переводчика и отправлялись референтами в посольства советской империи. Помимо навыков толмача, новоиспеченные дипломаты владели кое-какими специальными знаниями. Обнаружить или установить подслушивающую аппаратуру? Легко! Дешифровка и криптография? Раз плюнуть! Ну и так далее.

Вдобавок ко всему этому на третьем курсе я получила предложение пройти дополнительное обучение по специальной программе. Два года жестких тренировок превратили меня и моих подруг в специалистов широкого профиля. Не хочу долго распространяться на эту тему. Скажу только, что у меня был высший балл по подрывному делу и навыкам рукопашного боя, а вот с глубоководными погружениями дело обстояло не так блестяще — на большой глубине у меня начинала идти носом кровь, так что я получила всего лишь четверку и всю ночь после экзамена горевала.

Спецотряд «Сигма», где я прослужила следующие несколько лет, излечил меня от излишних переживаний. Я побывала в «горячих точках», на моем счету было несколько успешно проведенных операций и множество спасенных жизней. Я гордилась своей работой и тем, что служу своей стране.

А потом все кончилось. Я стала замечать, ■